
I. К востоку от Запада: переход к верхнему палеолиту в Восточной Европе, Западной Азии и Южной Сибири.

I.1. Восточная Европа

М.В.Аникович

НАЧАЛЬНАЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

M.V. Anikovich. The Initial Stage of the Upper Palaeolithic in East Europe.

The article gives an up-to-date overview of the earliest Upper Paleolithic sites and cultures on the Russian Plain. Special attention is paid to the oldest assemblages of the Kostenki-Borshevo area, their chronological position and industrial affinities. The final conclusion is that the archaeological and palaeoanthropological evidence available for Eastern Europe suggests acculturation of the local Mousterian people by incoming populations of anatomically modern humans.

Определение понятия.

«Начальная пора» — что это такое и чем она отличается от «ранней поры верхнего палеолита»? Я считаю, что археологические понятия в принципе должны определяться через археологические (не геологические, не радиоуглеродные и т.д. и т.п.) критерии. Однако, на практике не всегда возможно сделать отправной точкой анализа именно археологические данные. Зачастую начинать приходится именно с геологостратиграфического распределения памятников, чтобы впоследствии выявить их культурно-исторические закономерности. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся и в данном случае. Нет никаких оснований предварительно, заранее выделять археологические характеристики, которые позволили бы рассматривать «начальную пору верхнего палеолита» (Восточной Европы) как самостоятельную единицу археологической периодизации — региональной или глобальной. Необходимо предварительно установить хронологические границы «начальной поры», затем сопоставить археологические материалы этого периода с материалами последующей «ранней поры» и сделать вывод: есть ли между теми и другими существенные различия, т.е. следует ли рассматривать эти две дефиниции как единицы археологической периодизации?

Памятники ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы достаточно хорошо известны. Их обычно связывают с так называемым «брянским временем» (по А.А.Величко — единственный хорошо прослеживаемый на Русской равнине средневалдайский интерстадиал; хронологические рамки 32000-25000 л.н.; аналоги: паудорф, арси, денекамп, штиллфрид В, дуна-

евский интерстадиал). Памятники этого периода широко распространены по Русской равнине: от Днестровско-Прутского междуречья до бассейна Печоры. Автор распределяет эти памятники по четырем технокомплексам («путям развития»), указывая, что в некоторых индустриях фиксируются черты, присущие разным технокомплексам (Аникович 1991, 1994, 1998) и выделяет ряд археологических культур, важнейшими из которых являются костенковско-стрелецкая, городцовская, молодовская, брынзенская, радомышльская (Аникович 1991). Очевидно, для того, чтобы говорить о начальной поре верхнего палеолита, нужно спуститься хронологически ниже дунаевского (брянского) потепления.

В своих хроностратиграфических построениях я ориентируюсь не на схему А.А.Величко и его коллег, а на схему, разработанную И.И.Красновым, Е.П.Зарриной и Е.А.Спиридоновой, согласно которой в позднем плейстоцене Восточной Европы выделяется так называемый средневалдайский мегаинтерстадиал (50000-24000 л.н.) с тремя потеплениями (гражданское, кашинское, дунаевское), разделенными кратковременными периодами похолоданий (Заррина, Краснов 1977). Таким образом, к начальной поре верхнего палеолита должны относиться памятники с верхнепалеолитическими индустриями, геологически датирующиеся или кашинским потеплением, или ограничивающими его похолоданиями (40000-33000 л.н.). Не исключено, что древнейшие верхнепалеолитические индустрии могут датироваться еще более ранним временем (гражданское потепление).

Возникает вопрос: что мы знаем на сегодня

нышний день о столь древних верхнепалеолитических памятниках Восточной Европы, если

на остальной территории континента они чрезвычайно редки?

Географическое распределение восточно-европейских индустрий начальной поры верхнего палеолита.

До самого недавнего времени считалось едва ли не общепризнанным, что на территории Восточной Европы древнейшие верхнепалеолитические памятники датируются брянским временем; по радиоуглероду – в пределах 32-25 тыс. лет назад. Эта точка зрения и по сей день широко распространена в западной литературе (Klein 1969: 49; Hoffecker 1987: 178; Debrosse, Koslowski 1988: 49; Soffer 1989: 717) и разделяется рядом российских археологов.

Совокупность данных, включая полученные в последние годы, не позволяет принять эту точку зрения. В ней верно лишь то, что для большинства регионов Восточной Европы наиболее ранние и представительные в археологическом отношении верхнепалеолитические памятники датируются временем последнего средневалдайского интерстадиала. Однако, имеются исключения, на которые следует обратить самое серьезное внимание.

Закарпатская Украина. Безусловно, Королево 2/II и по своему стратиграфическому положению (ниже верхней погребенной почвы), и по радиоуглеродной дате (38500 ± 1000 , ГИН-2774) относится к начальной поре верхнего палеолита. Если корреляция почв между Королево 1 и Королево 2 верна – возможно, к начальной поре верхнего палеолита относится и слой Ia Королево 1, также залегающий ниже погребенной почвы.

Однако, и по своему географическому положению, и по археологическим характеристикам, эти памятники входят в проблематику скорее Центральной, чем Восточной Европы. Так наиболее представительный в археологическом отношении II-й культурный слой Королево 2 по своей культурной принадлежности несомненно относится к буюкскому селету, прежде всего к двум слоям пещеры Селета (техника обработки более сходна с нижним, а формы орудий – с верхним слоем; см. Аникович 1991: 13-14; Anikovitch, Grigor'eva 1991). Впрочем, я не считаю буюкский селет (т.е. собственно селетскую археологическую культуру) полностью изолированным от проблематики верхнего палеолита Восточной Европы. Более того, в свое время мной было высказано предположение о его генетической связи с молодовской АК (Anikovitch, Grigor'eva 1991); к этому вопросу я вернусь ниже. Что же касается Королево 1/Ia – этот своеобразный комплекс, представленный почти исключительно концевыми скребками, вероятно, отражает фациальную особенность раскопанного участка стоянки.

Днестровско-Прутское междуречье.

Среди большого количества памятников этого региона, не датированных естественно-научными методами, но по характеристикам индустрий относящимся к ранней поре верхнего палеолита, возможно, имеются и такие, чей радиоуглеродный возраст древнее брянского времени, но выявить это без проведения комплексных исследований невозможно. Серия радиоуглеродных дат по Брынзенам 1/III, из которых самая древняя 26600 ± 370 , ОхА-4122 (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий 1997: 60) не подтвердили предположение о возможной датировке этого слоя предбрянским похолоданием, а даты порядка 21000-22000 л.н., полученные для грота Чунту, заставляют думать, что верхняя хронологическая граница брынзенской АК относится к началу позднего валдая («осташковское время»).

Тем не менее, в данном регионе есть памятники, чей добрянский возраст сомнений не вызывает. К сожалению, в археологическом отношении они чрезвычайно бедны.

Молодова 5/Ха. Данный культурный слой залегает во второй сверху, так называемой «молодовской» (по И.К.Ивановой) погребенной почве, связанной со вторым средневалдайским потеплением (кашинское, хенгело, подградом). К сожалению, здесь найдено всего 47 предметов, в том числе призматический нуклеус, две заготовки с краевой ретушью (рис. 1, 1.3), две – с резцовыми сколами (рис. 1, 2.4) и две пластины с ретушью концов (рис. 1, 5-6). Для какой-либо культурной интерпретации материал слишком незначителен, но верхнепалеолитические элементы в нем налицо.

Кормань 4/Х. К той же погребенной почве приурочены столь же незначительные материалы, представленные двуплощадочным уплощенным нуклеусом подпризматического скальвания, массивной пластиной и отщепами с крупными ударными бугорками, 7 из которых, по А.П.Чернышу, имеют следы обработки (Черныш 1977: 21).

Волынь. Памятники этого района могут иметь исключительно важное значение для проблематики верхнего палеолита Восточной Европы, но, к сожалению, они плохо изучены, их публикации совершенно не отвечают современным научным требованиям, и, в сущности, эти материалы до сих пор остаются «вещью в себе».

В связи с рассматриваемым здесь вопросом особого внимания заслуживают материалы стоянки **Куличивка, III культурный слой.** Их принадлежность начальной поре верхнего палеолита не исключена, хотя и не доказана. Этот памятник

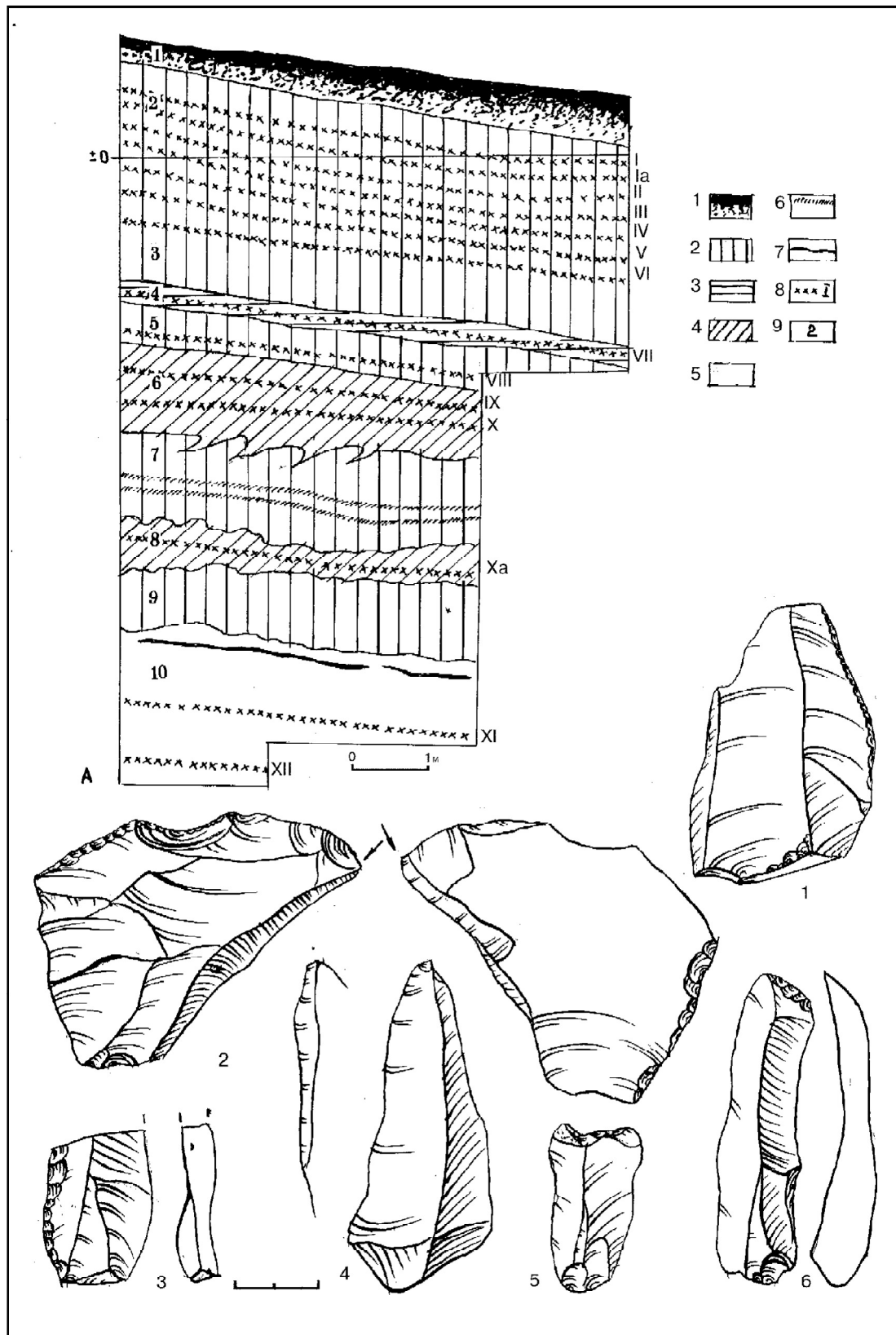

Рис. 1. Молодова 5. Схематический разрез и изделия со вторичной обработкой из культурного слоя Xa. Условные обозначения: 1 — современная почва, 2 — лессовидные суглинки, 3 — полосчатые суглинки, 4 — погребенные почвы, 5 — пестроцветные суглинки, 6 — оглеение, 7 — сажистый прослой, 8 — культурные слои, 9 — литологические горизонты.

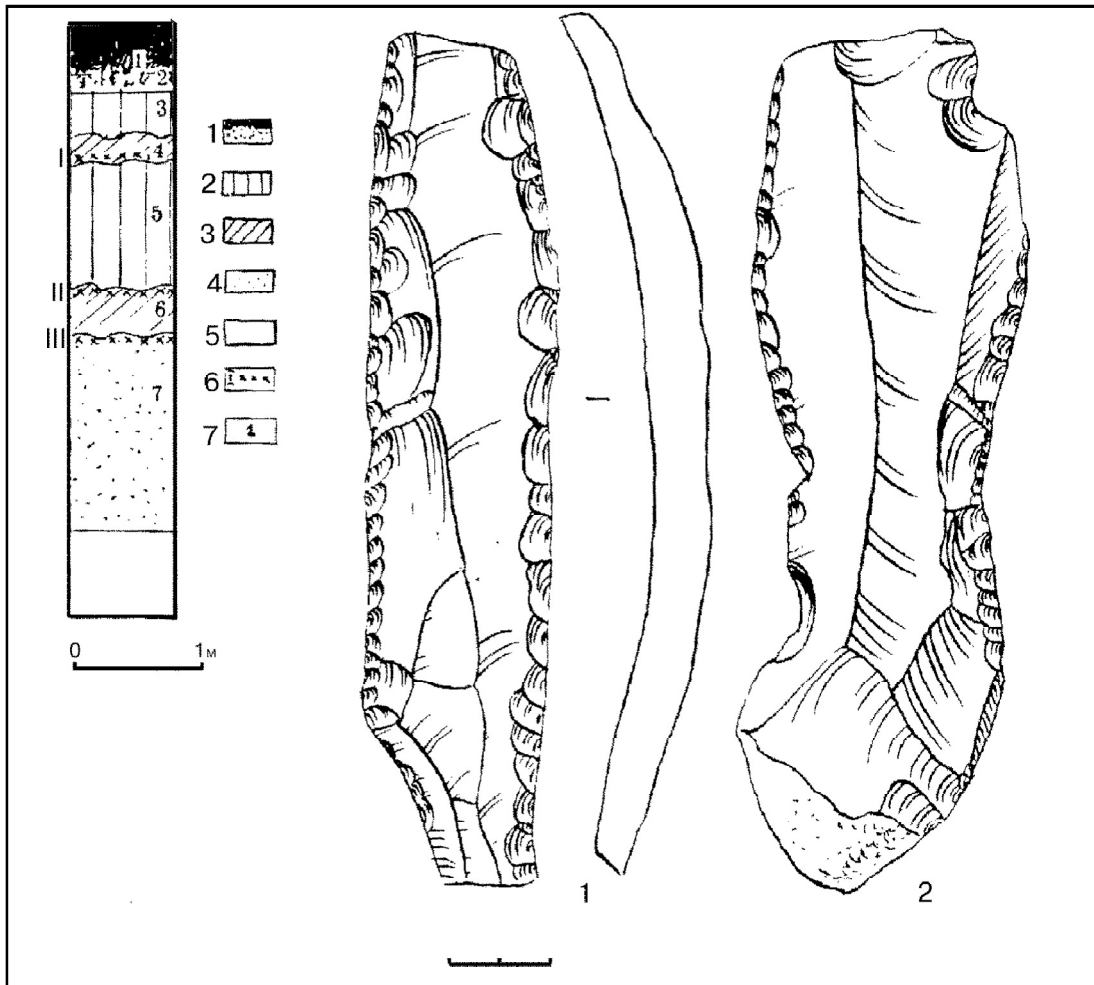

Рис. 2. Куличивка. Схематический разрез и ориньякские пластины из III-го культурного слоя.

ник, расположенный на северо-западном склоне Кременецких гор, на окраине г. Кременец, с 1968 г. раскапывался В.П.Савичем. Геологическое его изучение осуществлялось И.К.Ивановой, А.Б.Богущим, Н.В.Ренгартеном и др. (Иванова, Ренгартен 1975). Здесь, в выделяемой геологами верхней пачке отложений, имеющих делювиально-солифлюкционное происхождение, прослежено две погребенные почвы. I-й культурный слой приурочен к основанию верхней почвы, II-й — к верхней части нижней почвы и III-й к подстилающей эту почву кровле горизонта, представляющего собой переслаивание песков, супесей и суглинистых отложений (Иванова, Ренгартен 1975: 56-59). Геологи предполагали, что нижняя погребенная почва соответствует паудорфу (т.е. последнему средневалдайскому потеплению: дунаевское, брянское), а верхняя — одному «из наиболее ярких и широко распространенных интерстадиалов позднеледникового времени — аллереду (11500-12000) (Иванова, Ренгартен 1975: 67). С последним выводом невозможно согласиться: типично ориньякоидный облик I-го культурного слоя с хорошо выраженными леваллуазскими элементами

никоим образом не соответствует предложенной датировке. К тому же в этом слое найдено значительное количество костей мамонта: 96 от 3 особей — почти столько же, сколько северного оленя: 109 от 2 особей (Савич 1975: 28). Это опять-таки не укладывается в аллередские рамки.

В своих работах В.П.Савич упоминал две радиоуглеродные даты, не приводя при этом ни точного их значения, ни лабораторного номера: 25000 л.н. для II-го культурного слоя и 31000 для III-го (Савич 1987: 41). За неимением лучшего, даты эти продолжают «гулять» по страницам публикаций.

Однако, не говоря уже о том, что при полной неясности их происхождения считать эти датировки полноценными невозможно, серьезные сомнения вызывают и их увязки с культурными слоями: в статье И.К.Ивановой и Н.В.Ренгартена особо подчеркивалось, что материалы нижнего культурного слоя «содержат так мало углеродистого вещества, что возможность ... исследования на C^{14} вызывает сомнения радиологов». В этом отношении более надежны материалы двух высележащих культурных слоев (Иванова,

ва, Ренгартен 1975: 59). Это наводит на мысль, что, если упомянутые даты и имеют какое-то значение, их отношение к III-му культурному слою крайне сомнительно.

Что же касается археологических характеристик нижнего слоя Куличивки, то по данным В.П.Савича там имеется около 11200 экз. каменных изделий, в том числе свыше 100 нуклеусов и порядка 350 орудий, среди которых преобладают скребки (включая выполненные на пластинах с ориньякской ретушью) и резцы. Упоминаются также остря, проколки, скребла и остроконечники (Савич 1987: 47-49). В незначительной части коллекции, которую мне удалось посмотреть, обращали на себя внимание крупные массивные пластины с типично ориньякской ретушью (в том числе «с перехватом» – рис. 2, 1-2), сочетающиеся с типично леваллуазскими треугольными острями с фасетированными ударными площадками. Такое сочетание, заставляющее вспомнить индустрии Брно-Богунице и Бачо Киро, 11-й слой (древнее 40 тыс. лет назад), является археологическим аргументом в пользу возможности (подчеркиваю: *только возможности!*) отнесения нижнего культурного слоя Куличивки к начальной поре верхнего палеолита.

Поддавающее большинство верхнепалеолитических стоянок в остальных регионах Восточной Европы не дает оснований для датировок древнее «брянского времени». Нет ничего подобного ни в так называемой «Степной зоне», ни на Северо-Востоке. Новые исследования крымского палеолита показали, что крайне немногочисленные стоянки ранней поры верхнего палеолита (Сюрень 1, ниж. сл., Буран-Кая 3, сл. VI, гор. 10) все же по радиоуглероду моложе 30000 л.н. (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий 1997: 60).

Бесспорно, особого внимания заслуживает

недавно открытая многослойная стоянка *Непряхино*, расположенная в Саратовской области, т.е. в регионе, где палеолит почти не известен. Памятник пятислоен. Три нижних культурных слоя (KI, KII, KIII), расположенные над второй сверху погребенной почвой, в ней и над ней, по технико-типологическим характеристикам близки между собой: их характеризует преобладание мустьерских форм, в первую очередь скребел (скребки и особенно резцы единичны), обилие бифасов, которые, судя по рисункам, заметим, также имеют вполне мустьерский облик (Захариков 1999: 202-205). Что это – «начальная пора верхнего палеолита» или мустье типа «восточного микока»? Исследователь памятника обнаруживает не только технологическое, но и типологическое сходство между бифасами Непряхино и Муселиево, однако Муселиево обычно относят не к верхнему палеолиту, а к мустью. Сейчас я воздерживаюсь от решительных заключений. Замечу только: А.П.Захариков, бесспорно, прав, говоря о том, что индустрия Непряхино ближе к классическому селету, чем к костенковско-стрелецкой культуре (Захариков 1999: 203). Действительно, к «технике тонкого бифаса», изначально характеризующей костенковско-стрелецкую АК, непрыхинская индустрия не имеет никакого отношения (рис. 3).

Так что же, — вопрос о начальной поре верхнего палеолита Восточной Европы поставлен преждевременно, и пока о нем, в сущности, нечего сказать? Дело обстоит бы именно так, если бы на Среднем Дону не существовал *Костенковско-Борщевский район сосредоточения верхнепалеолитических памятников*. Именно там (и пока что только там) мы имеем целую группу верхнепалеолитических стоянок, достоверно датированных добрянским временем, и к тому же дающих достаточно представительные археологические материалы.

Костенковско-Борщевский район как опорная база для изучения начальной поры верхнего палеолита Восточной Европы.

Хроно-стратиграфическое обоснование. Напомню, что относительная хронология костенковских памятников базируется на основных стратиграфических подразделениях региона: две гумусированные толщи, имеющие сложное строение, разделенные негумусированными суглинками, включающими линзы вулканического пепла (основной стратиграфический репер) и перекрытые толщей лессовидных суглинков. Соответственно выделяются три основных хронологических группы:

I-я, самая ранняя: памятники, залегающие в нижней гумусированной толще (ниже линз вулканического пепла).

II-я, средняя: памятники, залегающие в верхней гумусированной толще (выше линз вулканического пепла).

III-я, самая молодая: памятники, залегающие в лессовидных суглинках, покрывающих единым делювиальным шлейфом вторую и первую надпойменные террасы.

Но как соотносятся эти хронологические группы с геологическим временем? В данном случае нас интересует самая древняя, I-я группа.

Сторонниками взглядов А.А.Величко (см. выше) переотложенные костенковские гумусы рассматриваются как остатки брянской почвы с соответствующим заключением о возрасте залегающих в них стоянок (Величко, Иванова, Муратов 1969: 478, Марков, Величко 1967: 189, 192, Григорьев 1970: 58 и др.). Распространению этой точки зрения способствовали и первые девять дат по C¹⁴, полученные В.В.Чердын-

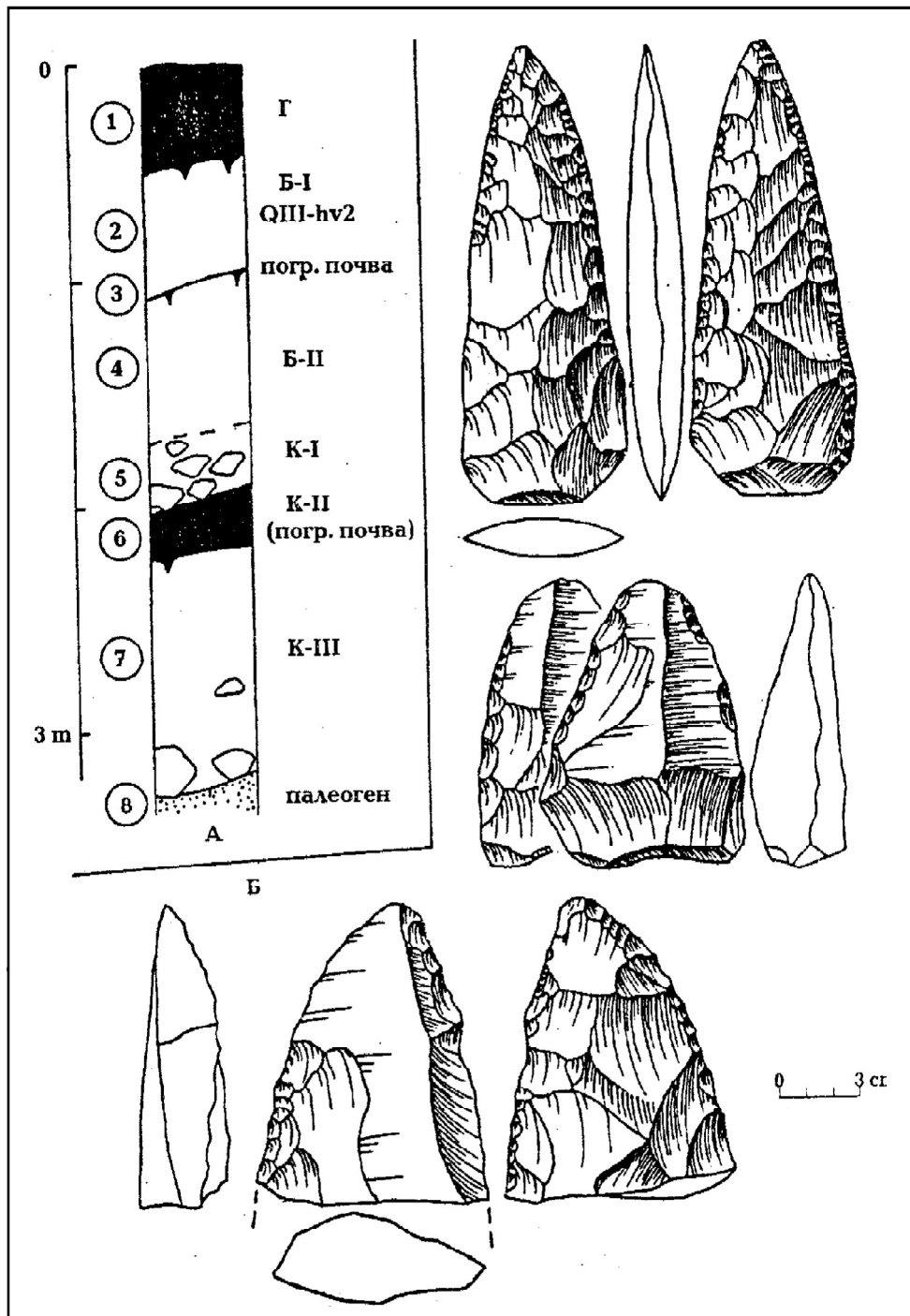

Рис. 3. Непряхино. Схематический разрез и орудия из слоя К-III. По: Захариков 1999, рис. 3.

цевым: для стоянок I-II хронологических групп они указывали возраст в пределах 23-14 тыс. лет назад и для III хронологической группы – 14-9 тыс. лет назад (Чердынцев 1971: 309). Отсюда следовал вывод об отсутствии в Костенках стоянок, одновременных древнейшим верхнепалеолитическим памятникам Центральной и Западной Европы. А это, в свою очередь, соответствовало представлениям П.И.Борисковского об особенностях костенковского палеолита (Борисковский 1963).

А.Н.Рогачев и его ближайшие сотрудники по Костенковской экспедиции никогда не разделяли гипотезу о брянском возрасте древнейших костенковских стоянок. И хотя начатые в семидесятые годы систематические комплексные исследования по определению геологического возраста костенковского палеолита еще далеки от завершения, уже сейчас, суммируя предварительные результаты, можно привести целый ряд аргументов в пользу значительного удреждения стоянок I-й хронологической группы по

отношению к нижней границе брянского интерстадиала, – даже если ее немного сдвинуть от границы в 30 тыс.л.н.

Стратиграфические данные. В конце семидесятых годов в Костенках были впервые открыты разрезы, содержащие не линзы переотложенного гумуса, а подлинные погребенные почвы. Впервые такой разрез был открыт в так называемом «стратиграфическом шурфе», заложенном в Поповом логу на склоне 35-40-метровой террасовидной поверхности. К сожалению, культурных остатков там не было (Праслов, Рогачев 1982: 19). Еще более важным стало открытие настоящих погребенных почв в юго-западной части раскопа на Костенках 1 (Спиридонова 1989, 1991). К сожалению, так и не была проложена траншея от западной к восточной части раскопа, где гумусы залегают в обычном для Костенок, переотложенном состоянии. Такая траншея дала бы возможность проследить наглядно, как и из каких почв формировались верхняя и нижняя гумусированные толщи. Однако, уже сейчас ясно, что в этом процессе принимала участие не одна, а как минимум три почвы, различные по составу и цветности. В настоящее время их корреляция с отдельными горизонтами пачки слоистых отложений, составляющих верхнюю и нижнюю гумусовые толщи, проводится косвенно, на основе палинологических данных (Праслов, Рогачев 1982: 234-245; Спиридонова 1991: 33-37).

В связи с этими данными дополнительную значимость приобретают и прежние наблюдения, касающиеся закономерностей строения верхней гумусовой толщи (Величко 1963, Аникович 1977). Они дополняются важными наблюдениями, сделанными Н.Д.Прасловым относительно мерзлотных деформаций, имеющих на разных стоянках одинаковый характер и однотипное стратиграфическое положение. Это, во-первых, узкие трещины, уходящие с поверхности кровли верхней гумусовой толщи на глубину до 3-х метров, и, во-вторых, волнообразные и клиновидные структуры, связанные с нижним контактом верхней гумусовой толщи (Праслов, Рогачев 1982: 265). Конечно, все эти наблюдения нуждаются в более углубленных работах, но даже перечисленные данные недвусмысленно говорят о том, что накопление верхней и нижней гумусовых толщ в Костенках происходило не из одной почвы, и за значительно более длительный период, нежели тот, что ограничен рамками брянского интерстадиала.

Палинологические данные. Начиная с семидесятых годов применение палинологического анализа при изучении костенковских стоянок становится более или менее постоянным. Анализы выполнялись Г.М.Левковской (Костенки 1, Костенки 12, Костенки 14, Костенки 21), Е.А. Спиридоновой и Е.С.Малясовой («Стратиграфический шурф», Костенки 1, Костенки 8, Костенки 11, Костенки 14, Костенки 17, Костенки 21).

На основе этих данных нижняя погребенная почва стратиграфического шурфа и два горизонта гумусированности коррелируются с нижней гумусовой толщей, а две вышележащие погребенные почвы — с верхней. Всего здесь выделяется семь межстадиальных ритмов: два для нижней гумусовой толщи, три для верхней и два — для перекрывающих лессовидных суглинков (Праслов, Рогачев 1982: 234-245; Спиридонова 1991: 61-69). Корреляция выделенных фаз смены растительности с геологической шкалой представляет особую проблему, и не со всеми предварительными выводами палинологов можно безоговорочно согласиться. Но, при всех спорных моментах, результаты палинологического анализа так резко не согласуются с гипотезой о происхождении всей пачки костенковских гумусов из одной, брянской, погребенной почвы, что нужно либо отказаться от этой гипотезы, либо совершенно игнорировать палинологические данные.

Из двух альтернативных вариантов первый мне представляется во всех отношениях более приемлемым.

Вулканический пепел. Костенки — далеко не единственное место на Русской равнине, где геологи отмечают следы вулканического пепла. Но откуда взялся он здесь, за тысячи километров от ближайшего района активной вулканической деятельности? Долгое время его происхождение чисто умозрительно связывали с Кавказом. Однако анализ костенковских пеплов, проведенный в начале восьмидесятых годов в Институте вулканологии (Петропавловск-Камчатский), показал, что он связан с катастрофическим извержением в районе Флегрейских полей (Италия) (Мелекесцев, Кирьянов, Праслов 1984). Эти извержения хорошо известны вулканологам и датированы в пределах от 38 до 33 тыс. лет назад. Для костенковских пеплов обычно принимается дата 35 тыс. лет назад (Синицын, Праслов 1997: 28). Таким образом, стоянки, относящиеся к I хронологической группе, должны быть древнее.

Радиоуглеродные даты. В семидесятые – девяностые годы в разных лабораториях для Костенок было получено свыше 160 дат по C^{14} (см. Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий 1997: 47-52 и статью А.А.Синицына в данном номере журнала). Сейчас этот список является самым представительным по сравнению с другими регионами Восточной Европы.

I-я хронологическая группа. Датоми, полученными для Костенок 6, следует пренебречь, т.к. собранные там материалы происходят из отложений древнего овражка. В подобных случаях определенный интерес может представлять лишь коллекция артефактов, но и то с оговорками, поскольку в ней могут быть смешаны материалы разных периодов. Даты, полученные для Костенок 12/III, Костенок 17/II, дают значение от 32 до 36 тыс.л.н. Аналогичны последние

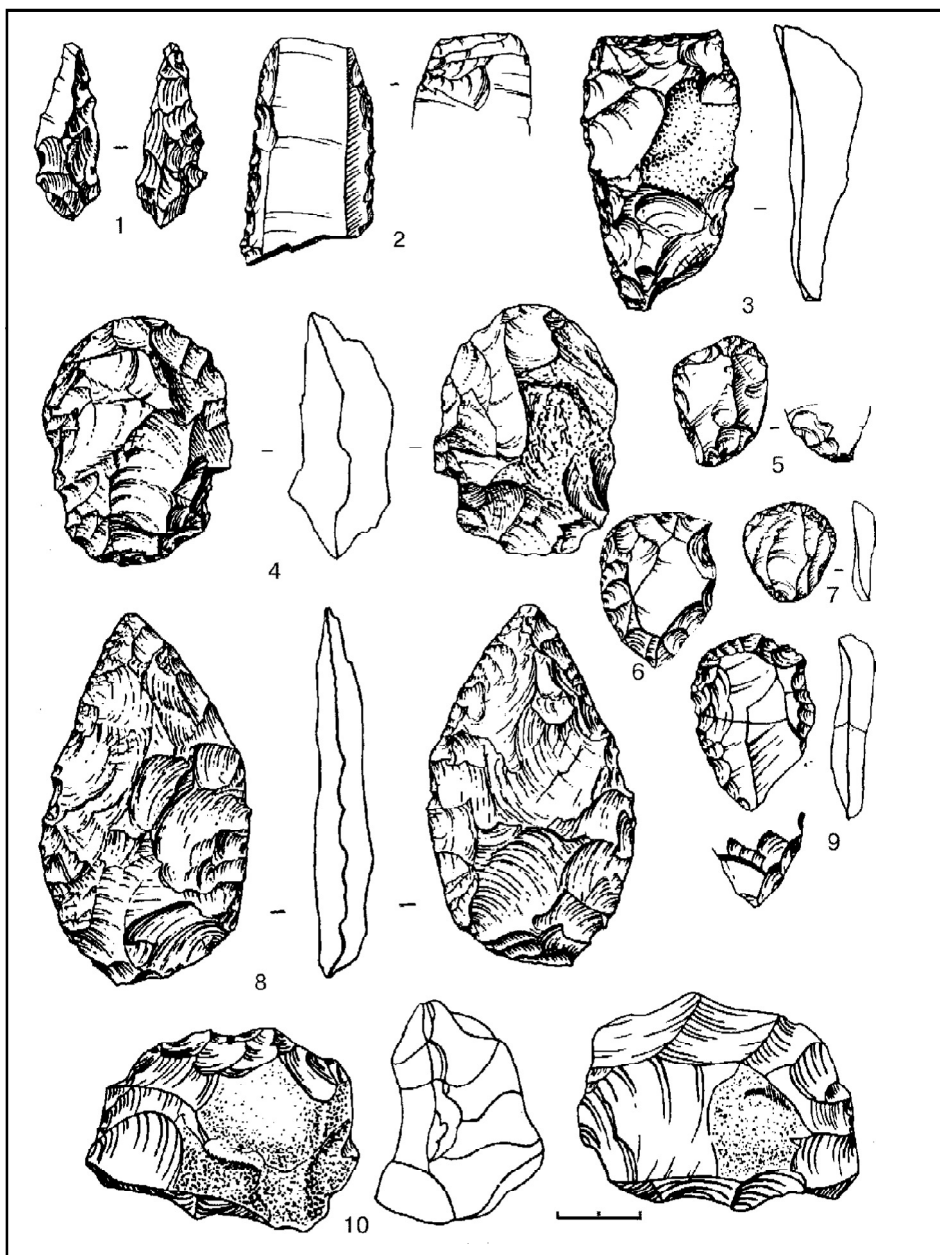

Рис. 4. Костенки 12, слой III. Каменные орудия.

датировки, полученные для Костенок 14/IVa,б (см. статью А.А.Синицына в этом сборнике).

Таким образом, наиболее достоверные радиоуглеродные датировки I-й хронологической группы костенковских стоянок явно древнее 35000 л.н.

Это подтверждается более представительной серией дат (54), полученных для II-й хронологической группы: их подавляющее большинство лежит в пределах 32000-24000 л.н., что, в общем, согласуется с представлениями о радиоуглеродных границах дунаевского (брянского) интерстадиала и его западно-и центрально-европейских аналогов. Показательно, что наиболее древние датировки (порядка 29-32 тыс.л.н.) приходятся на слои, приуроченные к основанию

верхней гумусовой толщи (Костенки 1/V, Костенки 12/Ia, Костенки 14/III-IV).

Таким образом, нижнюю гумусовую толщу и залегающие в ней стоянки следует связывать с добрянским интерстадиалом (кашинский, хенгело/подградем).

Археологические характеристики памятников начальной поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района. К памятникам I-й хронологической группы в настоящее время относятся: Костенки 6, Костенки 8/IV (?), Костенки 12/II,III,IV, Костенки 14/IVa,б, Костенки 17/II. Костенки 1/V, несмотря на новые даты порядка 36000 л.н., я продолжаю считать относящимся к основанию верхней гумусированной толщи (обоснования см. Аникович 1977), пред-

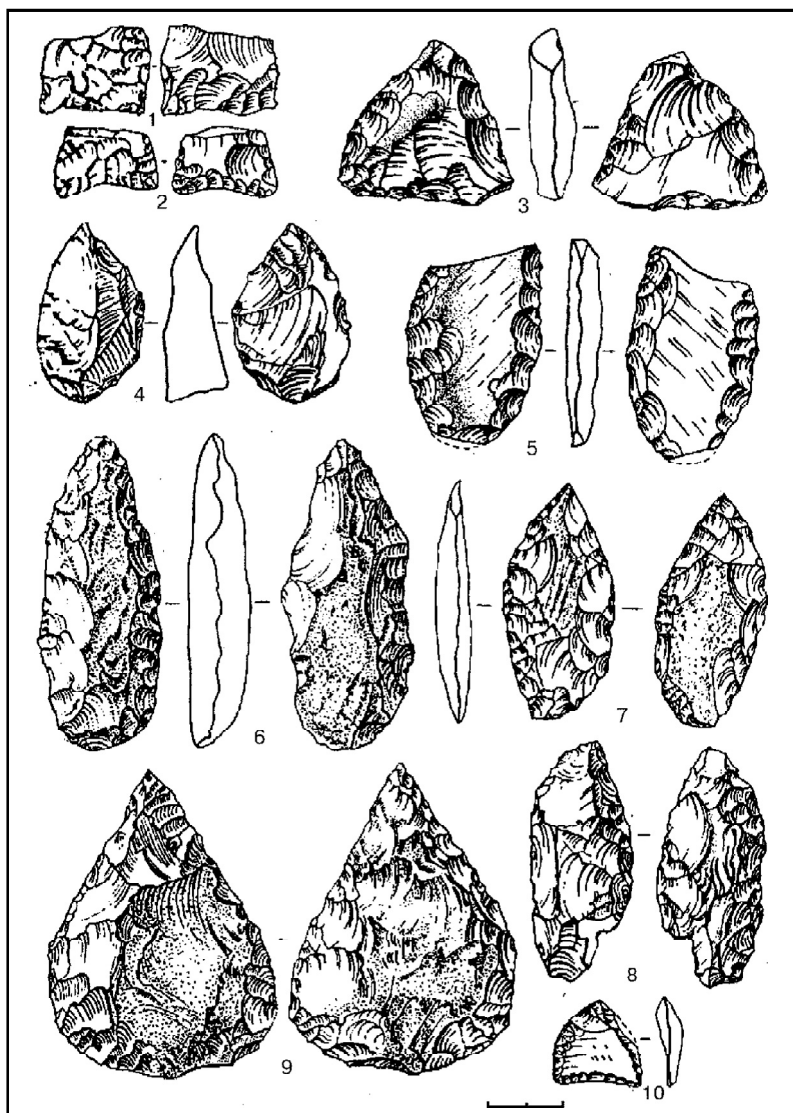

Рис. 5. Костенки 12, слой III. Каменные орудия.

полагая, что на этом памятнике имеются и более древние материалы. Впрочем, вопрос о его возрасте остается открытым.

Среди перечисленных памятников наиболее представительные коллекции каменных изделий собраны на Костенках 12/II-III; Костенках 17/II; Костенках 6. Интересная планиграфическая информация получена А.А.Синицыным для Костенок 14/IVa (см. его статью в этом журнале).

По технико-типологическим характеристикам памятники I хронологической группы относятся к двум археологическим культурам: Костенки 6 и Костенки 12/III — к костенковско-стрелецкой (селетоидный технокомплекс), а Костенки 12/II и Костенки 17/III — к спицынской (ориньякоидный технокомплекс). Показательно, что последняя, несмотря на древний возраст, отличается высоким уровнем развития (техника сверления, шлифовки). Рассмотрим эти материалы более детально.

Костенковско-стрелецкая АК, первый этап (Костенки 12/III, Костенки 6) лучше всего представлен материалами III-го слоя Костенок 12.

Сырье — исключительно местный кремль, валунный и плитчатый. Индустрия выглядит очень архаичной — по крайней мере, в типологическом отношении, технология же, по мнению Е.Ю.Гири, типично верхнепалеолитическая. Техника первичного раскалывания непластинчатая: нуклеусы плоские, параллельного снятия; орудия (около 180 экз., см. рис. 4, 5) выполнялись преимущественно на отщепах, осколках и фрагментах плиток местного желтого кремня. Значительную часть орудий составляют типично мустьерские формы: остроконечники, скребла различных типов (простые продольные, «дежете», конвергентные). Есть специфические острия типа «кэнсон» (рис. 4, 1). Серийно представлены ножи на осколках плитчатого кремня. Их прямые или слабо выпуклые лезвия получены краевой двусторонней ретушью. Из типично верхнепалеолитических орудий наиболее характерны скребки, но они нестандартны, хотя в большинстве своем короткие, подтреугольных очертаний, иногда с вентральной подтеской основания (рис. 4, 5-7, 9). Немногочисленны, но типо-

логически выразительны высокие стамески с тщательно оформленными прямыми поперечными лезвиями (рис. 4 2-3). Резцы отсутствуют, хотя на некоторых предметах отмечаются резцовые сколы. Изделия с чешуйчатой подтеской аморфны (но типичные долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской имеются в Костенках 6).

Типологически наиболее выразительны листовидные двусторонне обработанные орудия. Это прежде всего треугольные наконечники с вогнутым основанием (наконечники стрелецкого типа) – основная «руководящая форма» костенковско-стрелецкой культуры (рис. 5, 1-2). Наряду с ними прослеживаются иные типы листовидных двусторонних острий: «лист тополя» (рис. 5, 8); удлинённые с округлым основанием (рис. 4, 5); удлинённые, с основанием, обработанным «скребковой» ретушью (рис. 5, 6); удлинённые, сужающиеся к основанию (рис. 5, 7, 9). К сожалению, большинство этих орудий или фрагментарны, или явно не закончены, что затрудняет их окончательную типологизацию. Однако, и по пропорциям, и по форме они никак не могли являться заготовками треугольных наконечников с вогнутым основанием, или широких, типа «лист тополя». Вероятнее всего, по крайней мере некоторые из узких листовидных форм (рис. 5, 5, 7) являются заготовками «миндалевидных» наконечников, законченная форма которых известна в стоянке Сунгирь.

Кроме острий, плоской двусторонней ретушью здесь оформлены специфические дисковидные изделия, подобные тем, что известны в Сунгире (рис. 4, 4).

Костяных орудий, украшений, произведений искусства не найдено. Впрочем, с известной долей сомнений здесь можно предполагать наличие следов изобразительной деятельности: на покрытой коркой поверхности плитчатого кремня часто прослеживается разнонаправленная косая штриховка. В подавляющем большинстве случаев это технологические следы, возникшие в ходе каких-то операций при обработке кремня. Но на отдельных осколках можно предполагать и намеренно процарапанные линии, не похожие, впрочем, ни на чье-то изображение, ни на орнамент. Тем не менее нельзя исключить, что это – следы древнейшей изобразительной деятельности, еще не способной передать определенный образ, но уже являющейся преднамеренной, а не побочным результатом какого-то производственного процесса.

В стратиграфически одновременной стоянке Костенки 6 орудий мало: всего 55 экз. Как уже упоминалось, весь инвентарь этого памятника собран в отложениях древнего овражка, так что доказать его гомогенность невозможно. Но принадлежность, по крайней мере, большинства орудий, аналогичных собранным в Костенках 12/III, той же стрелецкой культуре сомнений не вызывает (рис. 6).

Типы листовидных двусторонних острий пол-

ностью тождественны известным в Костенках 12/III: треугольные наконечники с вогнутым основанием (рис. 6, 4), наконечник вытянутых пропорций с неровным слабо выпуклым основанием (рис. 6, 3), удлинённое кварцитовое острие с основанием, обработанным «скребковой» ретушью (рис. 6, 8). Скребла, наряду с формами, известными в Костенках 12/III, представляют своеобразный тип двойного скребла со сходящимися лезвиями, одно из которых выпуклое, а второе вогнутое. Остроконечник отличается более вытянутыми пропорциями. Типичных *pièces esquilles* 3 экз (рис. 6, 1). Один фрагмент, судя по характеру ретуши, мог принадлежать острию «кэсон» (рис. 6, 2).

Из типично верхнепалеолитических групп, помимо долотовидных, присутствуют скребки и резцы, и те и другие – на пластинчатых заготовках мелового кремня (рис. 6, 7). Эти орудия не находят себе аналогов не только в индустрии Костенок 12/III, но и в индустриях последующего этапа этой культуры. Отметим также, что в этой индустрии 45% орудий изготовлено из приносного сырья: мелового кремня высокого качества. Для архаичных индустрий региона, основанных, как правило, на местном сырье, это необычно высокий процент. Учитывая условия залегания, можно было бы предположить, что скребки и резцы на пластинах здесь являются посторонней примесью, однако, вопрос не так прост, поскольку из этого же мелового кремня изготавливались и типично стрелецкие формы: треугольный наконечник с вогнутым основанием, удлинённое листовидное острие с округлым основанием.

Спицынская АК. Четкая стратиграфическая ситуация не позволяет усомниться в том, что в Костенках архаичные культуры изначально существовали с такими памятниками, индустрии которых являются типично верхнепалеолитическими, без сколько-нибудь выраженных мустьерских черт. Как и в других частях Европы, древнейшие из них относятся к ориньякоидному технокомплексу. На территории Восточной Европы самой ранней ориньякоидной культурой является спицынская АК, прослеженная в Костенках (Костенки 17/II, Костенки 12/II). Оба памятника залегают в нижней гумусовой толще, то есть датируются, самое молодое, временем кашинского потепления, о чем свидетельствует и радиоуглеродная дата порядка 36 тыс.л.н., полученная для Костенок 17/II.

Обе индустрии: эпонимная (Костенки 17/II, рис. 7) и менее представительная, но рассматриваемая как однокультурная (Костенки 12/II, рис. 8) демонстрируют достаточно развитые технологические приемы, свойственные верхнепалеолитической эпохе: не только пластинчатую технику, основанную на призматическом нуклеусе, не только широкое употребление резцового скола, но также сверление по кости и камню и шлифовку. Следует отметить, что наборы орудий

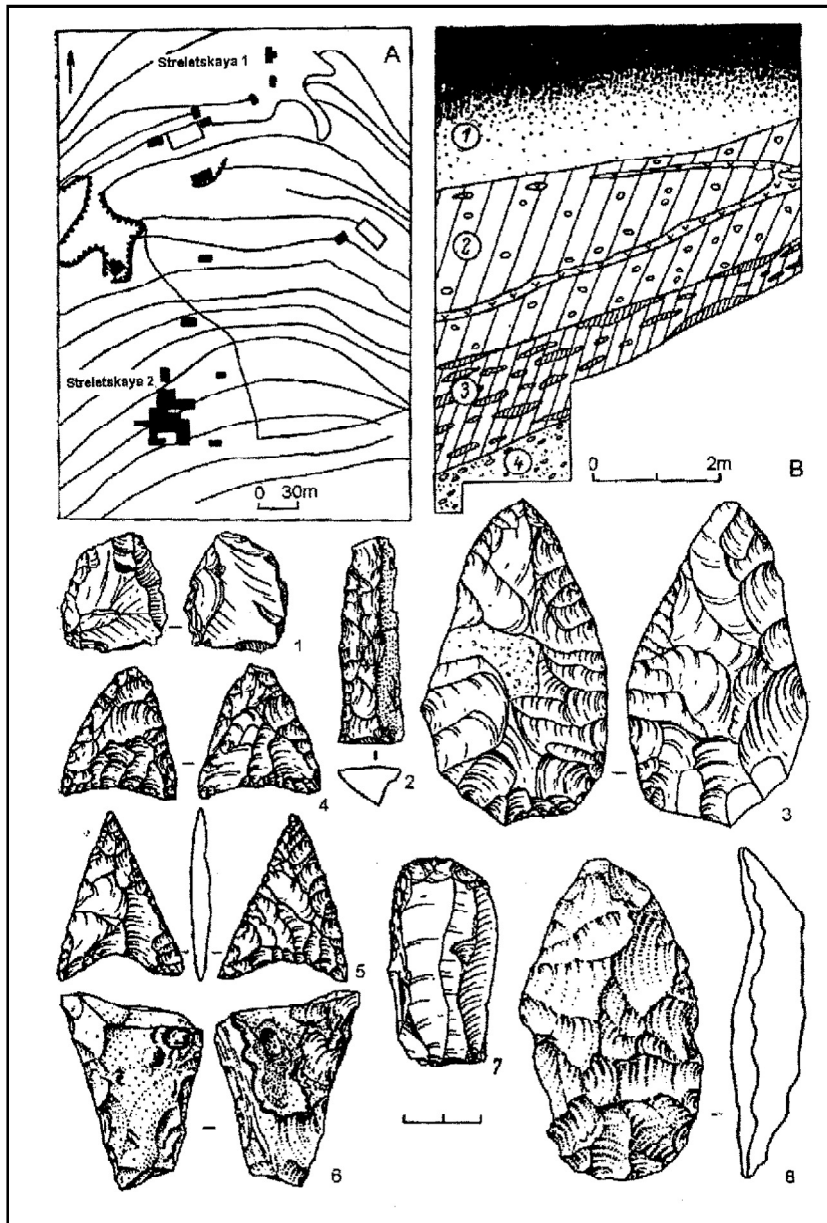

Рис. 6. Костенки 6. Расположение шурфов и раскопов, схематический разрез и орудия.

этих двух индустрий не тождественны: в инвентаре Костенок 17/II есть такие черты, которые не обнаруживаются в инвентаре Костенок 12/II и наоборот. Но основные особенности, технико-типологическое «ядро» этих двух комплексов аналогичны друг другу и резко выделяются как на фоне одновременных индустрий раннего этапа костенковско-стрелецкой АК, так и на фоне индустрий, хотя и более поздних, но принадлежащих тому же ориньякоидному технокомплексу (Костенки 1/III, Костенки 4/I, Костенки 8/I). Это позволяет рассматривать характеристики индустрий Костенок 17/II и Костенок 12/II как *взаимодополняющие* в освещении культурного единства спицынской АК. Коллекция из эпонимного памятника насчитывает около 9800 единиц каменного инвентаря, в том числе около 300 изделий с вторичной обработкой. Материалы из Костенок 12/II невелики: всего около 80 орудий,

но в них проявляются некоторые важные типологические характеристики, не представленные в индустрии Костенок 17/II.

И там, и там техника первичного раскалывания типично призматическая, ведущая форма заготовки – массивная пластина. В Костенках 12/II имеется 2 вторичных клиновидных нуклеуса для снятия микропластинок (рис. 8, 24), а сами микропластинки с мелкой краевой ретушью известны в Костенках 17/II (рис. 7, 10-12). Концевые скребки на пластинах сочетаются с высокими скребками, в том числе типичными «карена» (рис. 7, 13-15, 21-22; рис. 8, 1-4, 9-10, 14). Много резцов; в Костенках 17/II это самая представительная группа орудий (свыше 50%). Преобладают различные формы многофасеточных резцов (рис. 7, 19-20, 23-25, 29). В Костенках 12/II имеются фрагменты типично ориньякских пластин (рис. 8, 16-17, 20), в том числе от

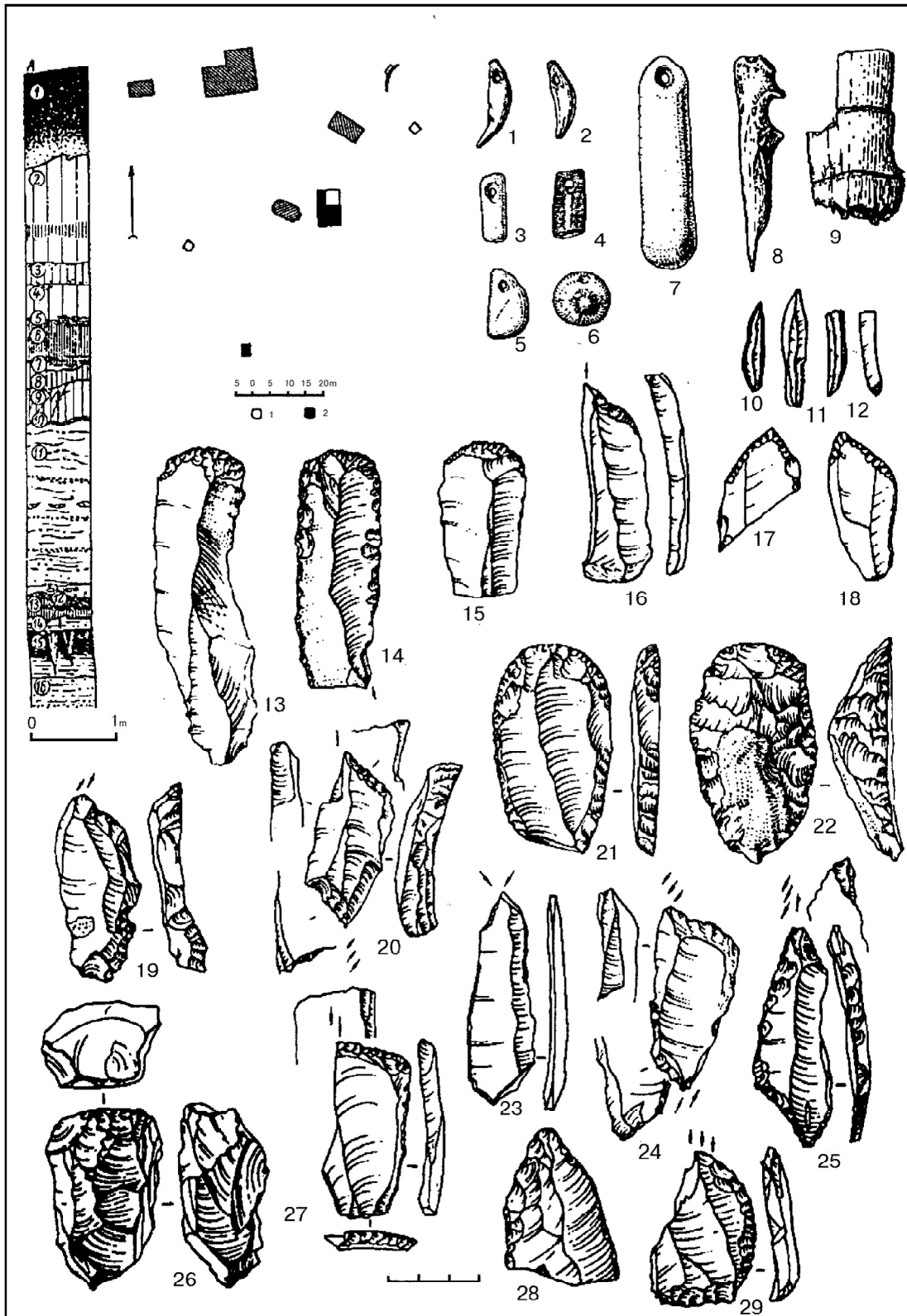

Рис. 7. Костенки 17, слой II. Расположение шурфов и раскопов, схематический разрез и орудия.

крупных экземпляров (рис. 8, 17). В той же индустрии обнаружен своеобразный тип проколка: жало, смещенное к правому углу заготовки, образовано сочетанием прямого и выпуклого краев, обработанных крутой ретушью (рис. 8, 5, 7).

В этой же коллекции имеется один резец, вероятно, переоформленный из подобного орудия (рис. 8, 15). В коллекции из Костенок 17/II подобных проколов нет, но имеются резцы, у которых сколы снимались со сходным образом вы-

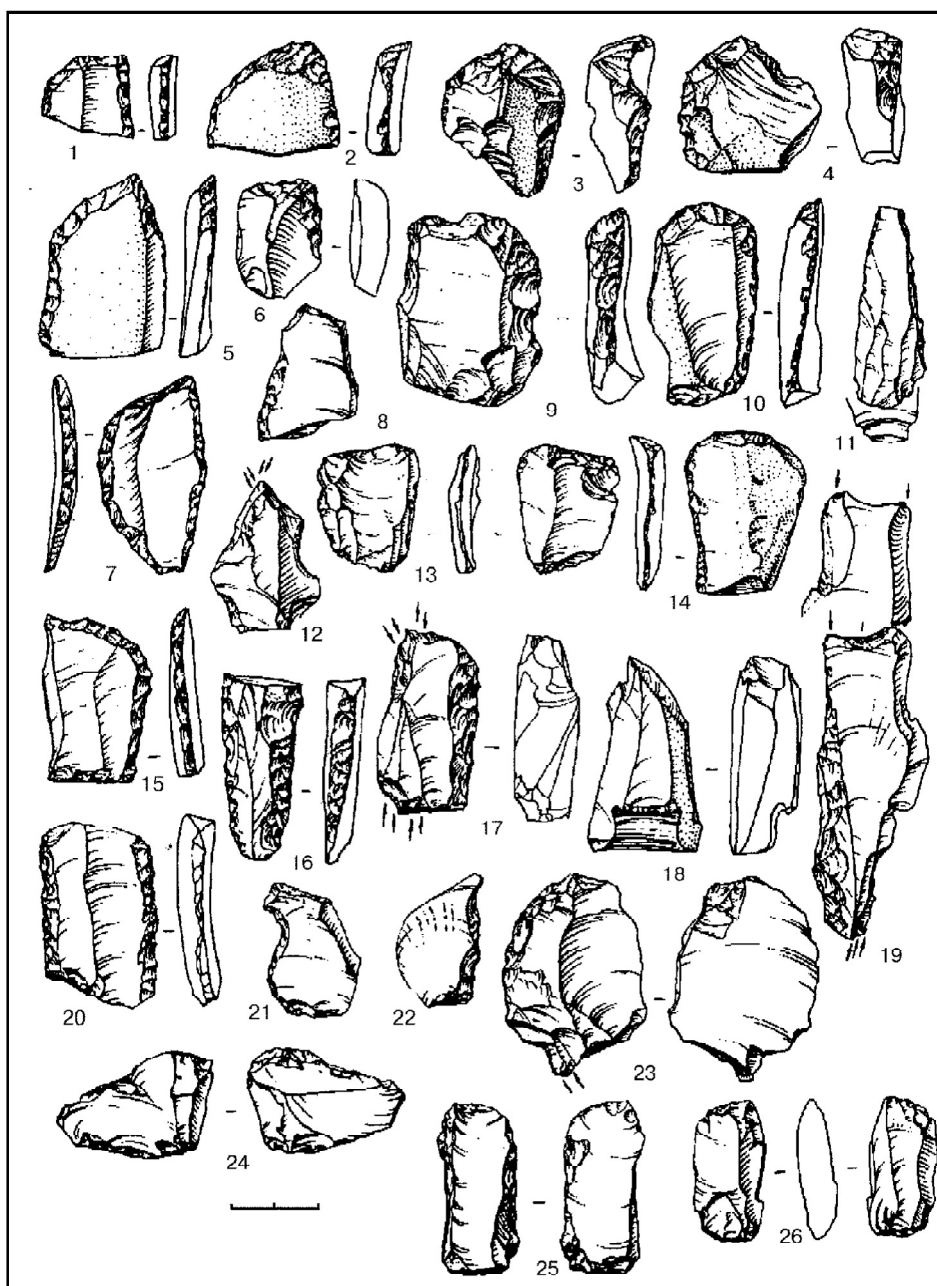

Рис. 8. Костенки 12, слой II.

деленного «носика» (рис. 7, 24-25). Долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской имеются в обеих индустриях, но в Костенках 12/II они более выразительны (рис. 8, 14, 25-26). И там, и там немногочисленны типичные стамески (рис. 8, 19), тесно связанные переходными формами с группой резцов (рис. 7, 20).

Костяной инвентарь известен только в Костенках 17/III. Он исчерпывается двумя шильями из локтевых костей зайца или песца (рис. 7, 8), двумя обломками костяных острий, двумя фрагментами поделок из бивня и обломком ложила. Подвесок собрано около 50 экз. Это древнейшие из известных в Восточной Европе изделий такого рода. К ним относятся 37 просверленных клыков песца (рис. 7, 1-2), 4 просверленных подвески из белемнитов (рис. 7, 3-4), не-

сколько просверленных подвесок из ископаемых раковин и кораллов (рис. 7, 6) и 7 из камня (рис. 7, 7). По заключению С.А.Семенова, сверление производилось вручную, без использования лучкового сверла (Борисковский 1963: 104).

Как ни странно, в литературе с середины восьмидесятых годов имеется тенденция связывать индустрию Костенок 17/III с граветтоидным технокомплексом (Debrosse, Koslovski 1988: 63-63). На мой взгляд это неверно. Достаточно массивные пластины с «нерегулярной» спинкой, характерные для этой индустрии, уже сами по себе отличаются от тонких «правильных» пластин и пластинок, свойственных граветтоидному технокомплексу. Пластины и острия с притупленным краем здесь полностью отсутствуют, а единичные микропластины с тонкой краевой

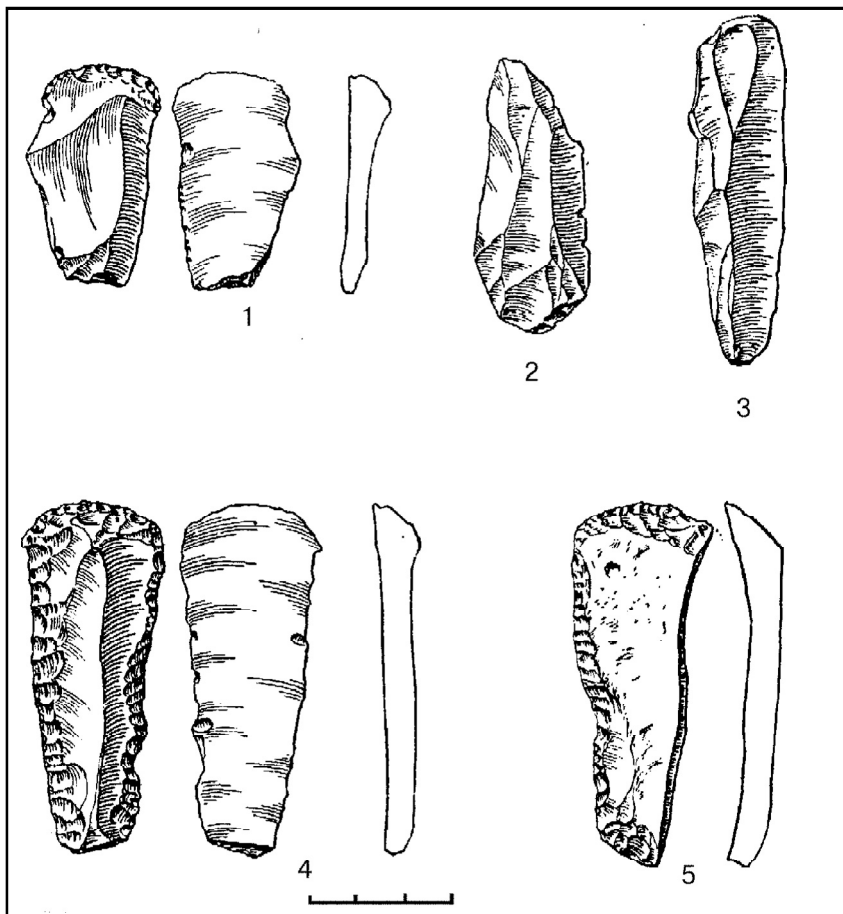

Рис. 9. Костенки 8, слой IV. Орудия. По: Рогачев 1957, рис. 26.

ретушь характерны именно для ориньякоидного технокомплекса. Преобладание многофасеточных резцов, наличие кареноидных скребков говорит о том же.

Стоянки начальной поры верхнего палеолита с небольшим количеством инвентаря. К нижней гумусовой толще относятся материалы Костенок 8/IV и Костенок 14/IVa,б. К сожалению, они ничтожно малы: в Костенках 8/IV собрано всего 29 изделий, изготовленных из черного мелового кремня. Техника явно пластинчатая. Имеется три концевых скребка на пластинах. У двух края обработаны крутой ретушью. Четвертый предмет – фрагмент ретушированной микропластинки (рис. 9). Несмотря на бедность коллекции, можно сказать с уверенностью, что данная индустрия относится к числу развитых, и вероятнее всего также принадлежит ориньякоидному технокомплексу.

В Костенках 14/IVa,б несмотря на довольно значительную вскрытую площадь, кремневых изделий очень мало. Обращают особое внимание костяные изделия, в том числе с орнаментом — древнейшим в Восточной Европе — и выразительная микропластинка, которой не хватает только вертикальной краевой ретуши, чтобы быть признанной типичной граветтской (см. статью А.А.Синицына в этом журнале).

В 1984 г. при раскопках Костенок 12 под III-м культурным слоем мной были обнаружены следы нового, еще более древнего памятника, на очень огра-

ниченном участке (квадраты X-75,76; Ц-78,80; Ч-82). Здесь ниже основания III-го культурного слоя, в прослойке коричнево-бурого гумусированного суглинка с более темными гумусированными линзами (горизонт 16) были обнаружены отдельные кости лошади (стопная и конец трубчатой на границе кв. X-76,77; осколок трубчатой на кв. X-75. Их нивелировочные отметки: -81, -86) и несколько кремневых отщепов без признаков вторичной обработки. Эти находки можно было бы легко интерпретировать как переотложенные из того же, III-го культурного слоя, если бы не два обстоятельства.

1) Кости и по своему характеру (крупные, более или менее целые), и по сохранности (сильно изъеденная поверхность, отличающаяся от поверхности костей из вышележащих слоев) не похожи на фрагментарные осколки костей из III-го культурного слоя.

2) Найденные здесь отщепы представлены исключительно меловым кремнем с синей патиной. Такое сырье в III-м культурном слое полностью отсутствует.

Раскопки стоянки, возобновленные в 1999 г., подтвердили наличие более древнего, IV-го культурного слоя: в стенке шурфа 1974 г. примерно, на 30 см. ниже основания III-го культурного слоя обнаружено ребро мамонта. К сожалению, из-за нехватки средств мы не могли пройти глубже основания III-го слоя по всей площади раскопа (21 кв. м); это одна из задач будущего полевого сезона.

Соотношение «начальной» и «ранней поры» верхнего палеолита Восточной Европы: два этапа или нераздельное единство?

На мой взгляд нет достаточных оснований для того, чтобы придавать этим искусственно выделенным хронологическим ступеням («добрянское время» – «брянское время») периодизационное значение. По основным археологическим характеристикам их следует трактовать как единое целое. Почему?

1. Во-первых, и добрянские и брянские верхнепалеолитические индустрии изначально подразделяются на два основных типа: «архаичные», со значительной долей орудий мустьерских форм (стрелецкая АК) и «развитые», представленные исключительно верхнепалеолитическими характеристиками (спицынская АК и ряд плохо изученных памятников: Костенки 8/IV, Костенки 14/IVa,б). Наиболее обильные материалы архаичных памятников принадлежат селетоидному, развитых – ориньякоидному технокомплексам.

2. В настоящее время в Костенках известны

культуры, памятники которых относятся или только к I-й (спицынская АК) или только ко II-й (городцовская АК, тельманская АК) хронологическим группам. Однако, для решения поставленного вопроса гораздо важнее наличие костенковско-стрелецкой АК, памятники которой известны в обеих хронологических группах. Этот факт позволяет думать, что в ходе дальнейшего раскопок нижней гумусовой толщи (в сущности, они только начаты) между I и II хронологическими группами в Костенках будет прослежена преемственность культурных традиций.

Таким образом, я полностью разделяю точку зрения А.Н.Рогачева, считавшего эти две группы в периодизационном отношении единым целым – ранней порой верхнего палеолита (Рогачев 1957). Выделение начальной поры значимо только для хронологии (как рано на территории Восточной Европы возникает верхний палеолит?), но не для периодизации.

Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы: проблема генезиса.

Методологические обоснования. Одна из самых сложных проблем археологии — проблема установления культурогенеза между археологическими эпохами. В самом деле — не возникли же культуры начальной поры верхнего палеолита «ниоткуда»; они должны иметь своих предшественников в мустьерской эпохе! Но как обнаружить этих предшественников? И, предложив кандидатуру, как доказать, что речь идет действительно о культурной преемственности, а не о фантазии археолога?

Очевидно, предварительно необходимы методологические обоснования подхода того или иного исследователя к данному вопросу. Только сравнивая их между собой, можно выбрать если не абсолютно адекватный действительности, то, по крайней мере, лучший на текущий момент.

В своих генетических построениях такого рода я исхожу из следующих положений:

1. Археологические эпохи — понятия археологические; границы между ними должны устанавливаться не по геологическим (плейстоцен/голоцен = палеолит/мезолит), но по археологическим критериям.

2. В качестве такого критерия я предложил активное внедрение нового материала в человеческую практику, материала, использовавшегося прежде спорадически и неадекватно своим технологическим возможностям. С этой точки зрения верхний палеолит — «эпоха кости», неолит — «эпоха керамики», далее следуют эпоха бронзы и эпоха железа. Мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох, ос-

таваясь, впрочем, важными периодизационными подразделениями, завершающими соответственно верхнепалеолитическую и неолитическую эпохи (Аникович 1992).

Таким образом, смена археологических эпох есть не что иное, как *глобальная смена технологий*.

3. Из этого следует, что в поисках культурно-генетических связей между археологическими эпохами нельзя ориентироваться на технологическое сходство. Более того, следует признать заранее, что *генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам, должны, как правило, различаться в технологическом отношении*.

4. Культурно-генетическое родство есть не что иное, как передача культурных традиций — в более или менее полном или в редуцированном виде. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о редуцированной (причем сильно редуцированной) передаче. В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в *формообразовании* (в типах, если угодно). Следовательно, при попытках установить связи между мустьерскими и ранними верхнепалеолитическими индустриями следует ориентироваться именно на сходство форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

Я с удовольствием прислушаюсь к мнению тех коллег, кто сможет выдвинуть более весомые критерии для решения столь сложной про-

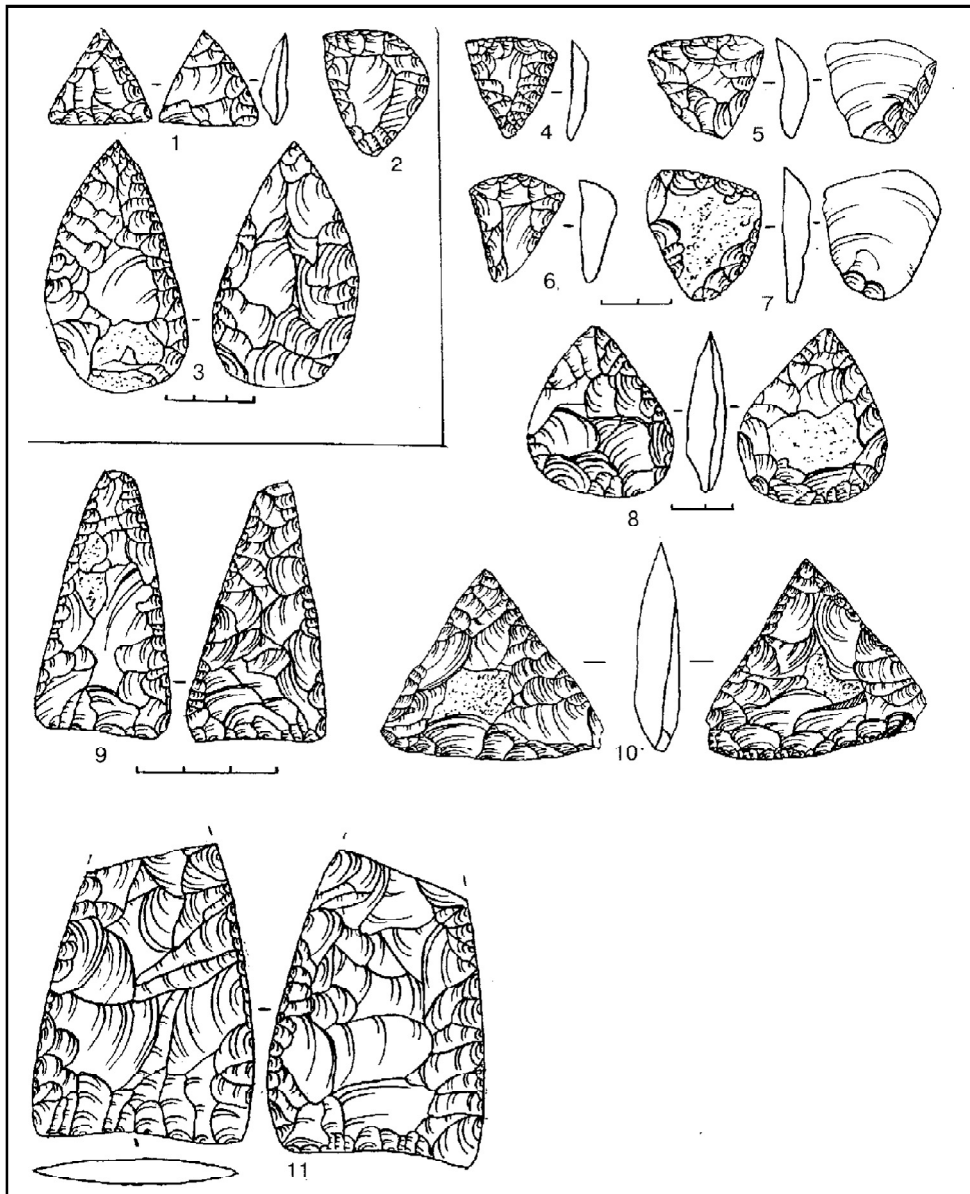

Рис. 10. Типы, характерные для стрелецкой АК в мустьерских индустриях Крыма и Юго-Запада Восточной Европы. Чокурча (1-4), Заскальная 5, слои II-IV (4-8, 10), Пролом (9), Тринка 3, слой III (11).

блемы. Но пока что на практике чаще всего применяется критерий, представляющийся мне крайне наивным: исследователям почему-то кажется, что чем ближе друг к другу в пространстве мустьерские и ранние верхнепалеолитические памятники, тем больше шансов обнаружить между ними генетическое родство. Если же те и другие представляют собой культурные слои одного многослойного местонахождения, — то можно считать искомые связи почти наверняка установленными. Эта странная убежденность держится в нашей науке десятилетиями; вот только один из последних ее рецидивов:

«Существенным для понимания генезиса позднелеолитических индустрий с треугольными и листовидными острями является тот

факт, что в инвентаре мустьерских горизонтов Бирючьей балки 2 определены листовидные формы с двусторонней обработкой зауженных пропорций (бифасы). Собственно наконечники здесь пока не обнаружены. (Они обильны в вышележащих верхнепалеолитических слоях стоянки, относящихся к костенковско-стрелецкой АК — М.А.). ...Все это может свидетельствовать о возможности местного происхождения позднелеолитических индустрий с двусторонне обработанными орудиями». (Матюхин 1999: 44).

Почему я называю подобные взгляды «наивными»? Потому что речь идет о хронологических разрывах между слоями в тысячелетия, и о культурно-исторических процессах такого масштаба, который неизбежно требовал глобальных перемещений населения, культурных контактов,

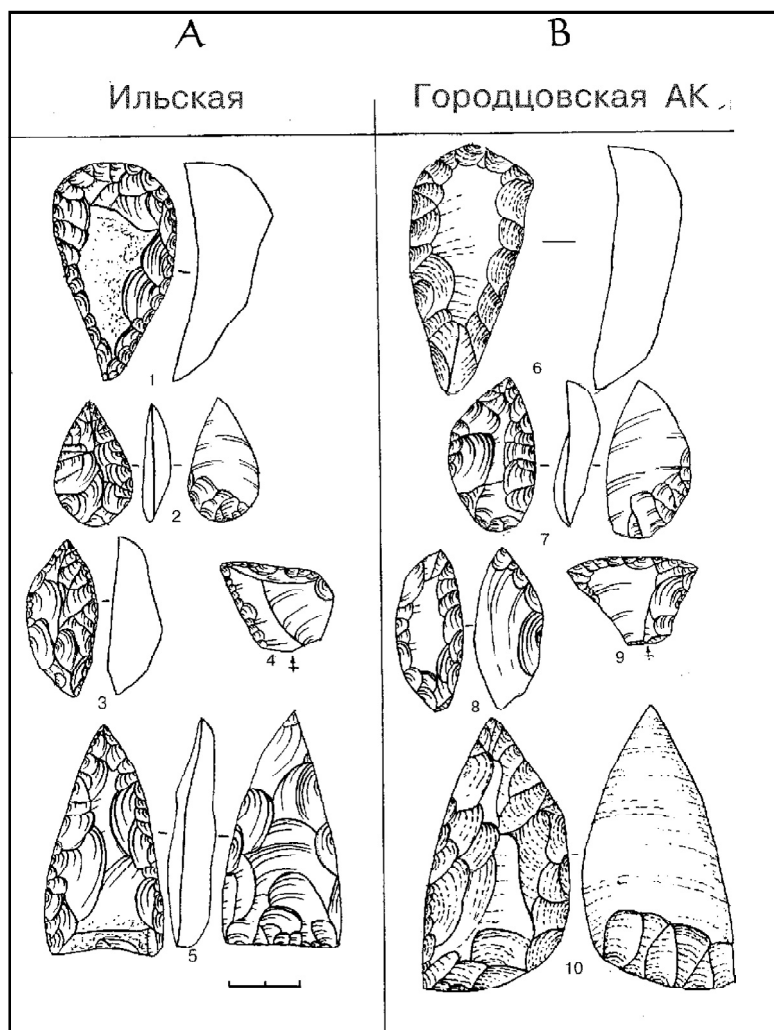

Рис. 11. Типологическое сходство ряда форм Ильской стоянки и городцовской АК.

разрыва старых и становления новых связей и т.д. и т.п. Доказательства? Переломные этапы (несравненно более мелкого масштаба) всей известной нам истории человечества. Можно ли при этих условиях ожидать непрерывных генетических связей между мустьерскими и верхнепалеолитическими слоями одного местонахождения? Разумеется, нет; скорее, напротив.

Конечно, в принципе, в некоторых случаях такие связи могли иметь место. Но ведь их нужно обнаружить и доказать, — по крайней мере, аргументировать их наличие! Учитывая широчайшее и разнообразнейшее распространение мустьерских индустрий с двусторонними формами, я никак не могу признать сам факт присутствия двусторонней обработки в мустьерском и верхнепалеолитическом памятнике сколько-нибудь серьезным аргументом в пользу их генетических связей. Других же аргументов не приводится; в сущности, все сводится к одному: «А почему бы и нет?»

А почему — «да»?

Некоторые межкультурные связи восточно-европейских индустрий ранней поры верхнего палеолита. Итак, на сегодняшний

день в попытках обнаружить хоть какие-то реальные связи при культурной трансформации (включая смену археологических эпох) мы можем ориентироваться только на формы орудий. Что можно сказать по этому вопросу в связи с индустриями начальной /ранней поры Восточной Европы?

Костенковско-стрелецкая АК. В свое время я писал о юго-западных корнях этой культуры, ориентируясь, с одной стороны, на треугольный наконечник с вогнутым основанием из мустьерского слоя грота Тринка 3, и с другой, — на присутствие этой формы в местных верхнепалеолитических индустриях, (Гординешты 1), отнюдь не принадлежащих костенковско-стрелецкой АК (Аникович 1983). Позднее я уточнил свою позицию: непосредственным генетическим источником костенковско-стрелецкой АК следует считать аккайские индустрии Крыма, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда форм орудий: треугольные наконечники с вогнутым основанием, листовидные наконечники с округлым основанием, подтреугольные скребки, угловатые скребла (рис. 10). Само собой разумеется, технологические характеристики крымских и стрелецких индустрий раз-

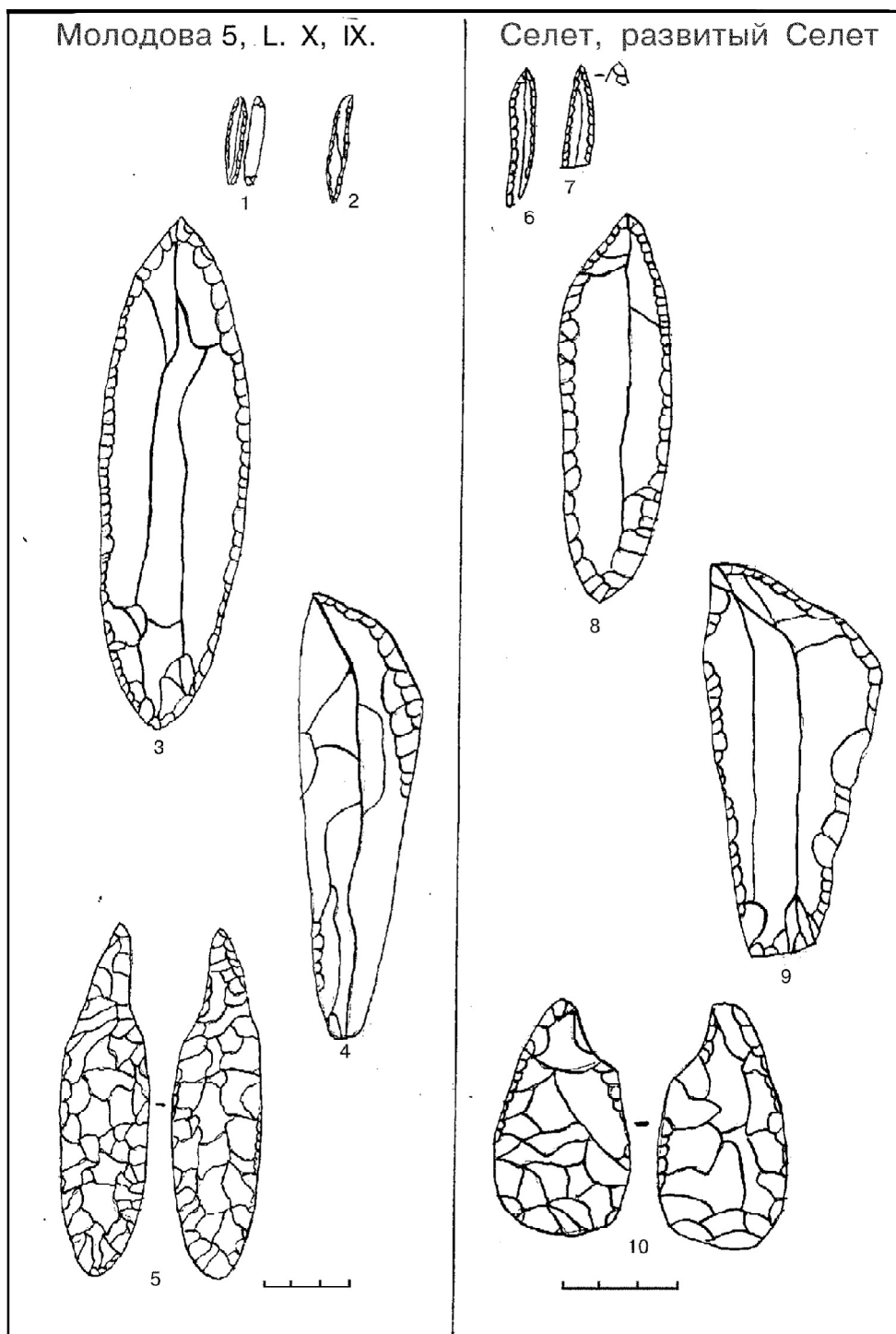

Рис. 12. Типологическое сходство ряда форм селетской и молодовской АК.

лично. По-видимому, Днестровско-Прутское междуречье являлось районом, испытавшим известное влияние тех же мустьерских традиций, но уже в иной трансформации.

Городцовская АК. Памятники этой культуры в Костенках относятся ко II-й хронологической группе и здесь не рассматривались. Тем не менее, обратим внимание на сходные формы орудий городцовой АК и Ильской стоянки (рис. 11). К сожалению, в данном случае мы лишены

возможности распределить ильские орудия по-слоино, что в значительной степени обесценивает указанное сходство. Тем не менее, вовсе его игнорировать едва ли правомочно; рис. следует рассматривать как «информацию к размышлению».

Небезынтересен и вопрос о связях между культурами начальной поры верхнего палеолита и последующими, существовавшими в брянское время.

Молодовская АК. На первый взгляд предположение о происхождении этой граветтоидной культуры от бюкского селета может показаться нелепым. Однако, обратимся опять-таки к формам орудий (Селета, верхний слой, Молодова 5 слои X-VIII). Здесь совпадают: 1) Типы острий с притупленным краем и вентральной подработкой концов (рис. 12, 1-2, 6-7). 2) Типы острий на пластинах, – узкие и широкие, одноконечные и двуконечные (рис. 12, 3, 8). 3) Ножи молодовского типа (рис. 12, 4, 9). 4) Листовидные двусторонне обработанные острия с выделенным «жа-

лом» (рис. 12, 5, 10). Сходны также формы скребков (длинные с приостренным основанием и с параллельными краями) и скребел (простые слабо выпуклые, двойные выпукло-вогнутые).

Что же касается индустрий спицынской АК, они настолько высоко развиты, что искать для них какие бы то ни было мустьерские аналоги едва ли уместно. По всей вероятности, эта культура сформировалась где-то за пределами Восточной Европы и появилась на Русской равнине уже в развитом виде.

Выводы.

Судя по восточно-европейским материалам, «начальная пора верхнего палеолита» в археологическом смысле понятие чисто условное, выражающее только хронологический аспект: верхнепалеолитические памятники добрянского времени. В археологическом смысле вся ранняя пора верхнего палеолита, включая «начальную», характеризуется прежде всего сочетанием архаичных и развитых индустрий (последние изначально проявляются в виде ориньякоидного технокомплекса; граветтоидный технокомплекс формируется позднее, около 30000 л.н.).

Изначальное сочетание «развитых» (оринья-

коидных) и «архаичных» индустрий характерно и для других районов Европы, где выделяется древнейший верхний палеолит. Таким образом, невзирая на культурную специфику, проявляющуюся в разных регионах Европы, именно для ранней поры верхнепалеолитической эпохи можно говорить и об «европейском единстве»: общности культурно-исторических процессов на всем континенте. По моему мнению, исторический смысл этого единства состоял в аккультурации и ассимиляции местных мустьерцев пришлым населением, принесшим сложившиеся ориньякоидные традиции (Аникович 1991, 1997).

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. 1977. Стрoение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок // Палеоэкология древнего человека. Москва: 66-74.
- Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс... докт. ист. наук. СПб.
- Аникович М.В. 1992. К определению понятия «археологическая эпоха». // РА.1.
- Аникович М.В. 1993. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник №3. С.3-19.
- Аникович М.В. 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести № 3. С.144-157.
- Аникович М.В. 1995. Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. С.10-13.
- Аникович М.В. 1997а. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земли. Глобальное расселение гоминид. (Материалы Симпозиума «Первичное расселение человечества»). М. С.143-155.
- Аникович М.В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. Москва. 1998. С.35-60.
- Аникович М.В., Бредли Б.А., Гирия Е.Ю. 1997. Технологический анализ стрелецких наконечников // Гирия Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий // Археологические изыскания. В. 43. Институт истории материальной культуры РАН. СПб. С.152-161.
- Величко А.А. 1963. Стоянка Спицына (Костенки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костенковско-Борщевского района // Материалы и исследования по археологии СССР. № 121. М. – Л. С.201-219.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи (к XV Международному конгрессу INQUA, ЮАР). М.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. 1997. Ландшафтно-климатические условия расселения палеолитического человека на территории Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск – Москва, 1-7 сентября 1997). М. С.20-25.
- Величко А.А., Иванова И.К., Муратов В.М. 1969. Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур // Природа и развитие первобытного общества на территории СССР. М. С.8-41.
- Величко А.А., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Ударцев В.П. 1985. Опыт применения методов абсолютной и относительной геохронологии при детальном расчленении четвертичных отложений Восточной Европы // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Геохронология четвертичного периода.» Таллин. С.7.
- Григорьев Г.П. 1970. Верхний палеолит. // Материалы и исследования по археологии СССР. 166. С.43-63.
- Заррина Е.П., Краснов И.И. 1977. Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений Европейской части СССР. // Четвертичная геология и струк-

- турная геоморфология СССР. Труды ВСЕГЕИ. Новая серия. Т. 222.
- Захариков А.П. 1999. Индустрии с бифасами и переход от мустье к позднему палеолиту в Европе. // Археологический альманах, 8. Донецк. С.197-206.
- Иванова И.К., Ренгартен Н.В. 1975. Материалы к геологии и палеогеографии палеолитической стоянки Куличивка (Тернопольская область УССР). // БКИЧП, 44.
- Марков К.К., Величко А.А. 1967. Четвертичный период. (Ледниковый период – антропогенный период). Т. III. М.
- Матюхин А.Е. 1999. О ранней поре позднего палеолита на Северском Донце. // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках. СПб. С.43-44.
- Мелекесцев И.В., Кирьянов В.Ю., Праслов Н.Д. 1984. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) – возможный источник вулканического пепла в позднеплейстоценовых отложениях Европейской части СССР. // Вулканология и сейсмология. 3. С.35-44.
- Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Ленинград: «Наука».
- Рогачев А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Материалы и исследования по археологии СССР. 59. С.9-134.
- Савич В.П. 1975. Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині. Київ.
- Савич В.П. 1987. Поздний палеолит Волини. // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (каменный век). Киев.
- Спиридонова Е.А. 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.
- Чердынцев В.В. 1971. Абсолютная геохронология палеолита // Материалы и исследования по археологии СССР. 1973. С.298-313.
- Черныш А.П., 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.7-77.
- Amirkhanov H., Anikovitch M., Borziyak I. Problème de la transition du Moustérien au Paléolithique Supérieur sur la territoire de la Plaine Russe et du Caucase // L'Anthropologie T. 97 No 2. P.151-171.
- Anikovitch M.V., Grigor'eva G.V. 1991. Au sujet des lignes culturelles entre certaines industries du Paléolithique supérieure d'Hongrie et l'Europe d'Est // Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte Européen. Bibliotheca archaeologica lassiensis. IV. Iași.
- Debrosse R., Koslowski J. 1988. Hommes et climats à l'âge du mammouth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie Centrale. Paris. Milan. Barcelone: MASSON.
- Hoffecker J.F. 1987. Upper Pleistocene Loess Stratigraphy and Paleolithic Site Chronology on the Russian Plain // Geoarchaeology. An International Journal. Vol. 2. No 4. P.259-284.
- Hoffecker J.F. 1988. Early Upper Paleolithic Sites of the European USSR // The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East. BAR. International Series 437. P.237-272.
- Klein R. 1969. Man and Culture in the Late Pleistocene. A Case Study. San Francisco: Chandler Pub. Co.
- Kozłowski J.K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe // Advances in World Archaeology. Vol.5.